

Повествовательная проза

АЛЕКСАНДР ПЕШКОВ

Писатель

Родился в 1959 году в селе Тальменка Алтайского края. В 1981 году закончил Инженерно-строительный институт в г. Новосибирске. По первой профессии — архитектор. В разные годы работал инструктором по туризму на турбазах Горного Алтая, каменщиком и монтажником на стройках, стрелком охраны железнодорожного моста через Обь. С 1985 года стал ходить в литературную студию при Алтайском отделении Союза писателей. С 1987 года начал печатать рассказы и повести в журнале «Алтай». В 2009 году стал лауреатом Всероссийского литературного конкурса современной прозы им. В. И. Белова «Всё впереди» — 3 место. В 2012 году победитель губернаторского конкурса в прозе, в результате была издана книга повестей и рассказов «Таёжная вечерня».

БРОДЯГА

1

По реке медленно сплавлялись льдины, куря в чёрную воду отражение луны. Бестолковые стычки их друг с дружкой и с бетонными опорами моста доносились до караульной будки сплошным шершавым гулом.

Виктор распахнул дверь, выпуская запах табачного дыма, тулупной овчины и ружейного масла.

Навстречу потянуло влагой и весенней прелью — дышала освобождённая река.

Будка охраны моста издали напоминала Виктору стакан в подстаканнике, накрытый толстой шаньгой. Теперь подстаканники редкость, а в его детстве стояли в каждом доме: лёгкие — алюминиевые, с тонкой впивающейся ручкой; тяжёлые — железные, резные, в виде кремля, с овальными портретами полководцев.

Над городом светился голубой тревожный купол, а здесь, у реки, тишина и синяя ночь, разрезанная лучами прожекторов на косые ломти. Конечно, тишина от поезда до поезда, но оттого только резче и желаннее.

С моста вынырнула электричка, изгибаясь и блестя оконной чешуей на повороте. Навстречу, пронизав будку яростным лучом, вывалился пассажирский. Если поезд идёт медленно, то успеешь разглядеть столики с чайными стаканами, расслабленные позы у окна, полуобнаженные женские

руки, поправляющие занавески. Или мелькнёт в курительном тамбуре прижавшийся к стеклу белый лоб — маятень дорожной бессонницы. А с крыш вагонов слетает белесый дымок, пахнувший углём и чаем.

Взгляд неохотно отпускает последний вагон с красными фонарями, теряющийся в серебристом лесу стальных ферм. Ещё немного, и стихает молоточек чуткого мостового эха.

Выйдя на терраску, Виктор попытался разглядеть внизу, недалеко от аншлага — полосатого столбика запретной зоны, — маленький заросший бугорок. Но взгляд его сносило на залитую лимонным светом протоку, заштрихованную стволами молодых тополей.

В прошлую смену, ясным холодным утром, он заметил идущий из земли дымок. Днём стрелки сходили к тополям и обнаружили землянку. Жителей не застали. В следующей смене караульный опять видел крадущийся дым.

И сегодня, на час ночи, назначили облаву.

2

Виктор захотел представить себе тех, кто засел сейчас в землянке. Недалеко вокзал, видимо, они пришли оттуда. Вообще, он любил суету вокзала. Иногда, после смены, садился на перронную скамью и слушал женский сопричастный голос над головой: «Внимание! Поезд Новосибирск — Ташкент отправляется с первого пути!» Мимо бежали молодые цыганки с длинными плоскими ступнями, держа младенцев у живота смуглыми жилистыми руками. Возле пригородных касс цыганский табор самочинно забил узлами кочевого скарба почтовые тележки. Тут же горели костры, хозяйки ошипывали кур на ужин. Живые курицы сидели тесно в ящиках из-под вина, равнодушно стряхивая с голов хлебные крошки.

И ещё недавняя примета вокзала — нищие. Старуха с жестяной баночкой, крестящаяся на каждый звук упавшей монетки. Рядом старый таджик, опираясь на чёрную суковатую палку, сгибал голову и спину будто с деревянным хребтом. Мальчик в тубетейке протягивал ладонь прохожим, а в ногах старика, на ярких тряпках, возилась чернявая девчужка, испуганно отвернувшись от незнакомой русской речи. Нищие были и раньше, но тогда думалось, что они все лентяи. Теперь подавали милостыню не стесняясь, с жалостью и какой-то суеверной тревогой.

На вокзале встречал Виктор одного старика. У того в деревне — полный сервант грамот, почётный тракторист! А вот бросил дом, сбежал в город и на зиму устроился в привокзальную кочегарку, за литр в месяц. Однажды по радио слушал дедок концерт по заявкам, а там поздравляют его «временно не живущего с нами, любящие жена, дети и внуки с днём рождения!» Под любимую песню запыхтел седой бродяга, отошёл сердцем и вернулся.

Но есть на вокзале и постоянные жители: три крупных неразлучных пса — чёрный, рыжий и серый. Бегают они неспешно, вытянув в одну линию голову, спину и хвост. Поджарые, большеголовые, на худых изодранных лапах. Морды умные, глаза безразличные. Они презирают людей и не терпят других собак. Потому что иные псы только и мечтают, как бы заползти в чьи-нибудь ворота ласковой скотинкой, на собачьем шпагате, а потом уже штатно твякать из-под лавки сторожа.

Главная примета бродяг (даже больше, чем запах псины) — это шальной вызов в глазах.

«Давно бичуешь? — спросил Виктор воображаемого жителя землянки. «Я — свободный философ», — уточнил бродяга. «А почему так живёшь?» — «Все живут так, в самоизгнании. Только не сразу понимают это. Я просто раньше ухажу, не дожидаясь, когда выпнет судьба, обстоятельства или указ».

Ночью охотнее откровенничать, будто сняты какие-то дневные тор-моза или цензура белого света. Душа желает примирения.

«У тебя семья есть?» — спрашивает Виктор. — «Не сирота ли я беспризорная? — переспрашивает бродяга. — Нет, семья была обычная. У отца три сына: двое умных, а третий — талантливый. И как бывает это в интеллигентных семьях: нарисовал сынок картинку или стишата сочинил, ему уже это в обязанность ставят. Гости приходят, им показывают растущий талант, то есть число спешно измаранных листков. Уверение в таланте изгоняет ре-бёнка из детства. Это начало самоизгнания.

В школе была у нас учительница литературы, она говорила особо ре-тивым: «Я сама русскую литературу на «пять» не знаю!». Под её властной рукой понял я, что талант — это шило в мешке, и колет того, кто несёт его. А ещё мне хотелось её удивить и всё же получить свою пятёрку. Написал я сочинение о человеке, который пошёл против всех. Видел я такой случай на празднике: улица запружена колоннами людей с флагами, со всех сторон гре-мит победная музыка, звенят медали на груди у ветеранов. И вдруг какой-то разлад! Что-то не так. Даже трубы оркестра поперхнулись. Вижу: бежит по обочине немецкий солдат. В день Победы! Ему кричат что-то весёлое, за по-гоны хватают. Мужик-то наш, видно было, что пьяный, форму где-то достал, напялил и ломанулся!.. Удивляло упорство, с каким этот артист из подворот-ни дразнил толпу. На всю жизнь осталось во мне ощущение человека, кото-рый хотел выразить что-то другое, непохожее на желание большинства. Но окружили его, на траву повалили, и били уже мужики молодые, не воевавшие. Если б не милиция, ухайдакали б!.. Литераторша оставила меня после уроков с глазу на глаз и говорит, держа за пуговицу моего пиджачка: «Понимаешь, Витя, это частный случай, а надо обобщать!» И тем вытолкнула мою мысль дальше: обобщать, потом обобществлять, вроде коллективного ведения хо-зяйства душ. Человеку неправильно укажи дорогу, а тупик он сам найдет.

«Дальше институт, — продолжал свой рассказ бродяга, — женился, оба студенты. В театр ходили, жена в буфете бутерброды с колбасой покупала на ужин. Ребенок вскоре родился. Любая его болезнь на бочку с порохом усадит! Ночью жар, перевернулся десять раз, твоё сердце — сто раз за ним. Ручонка лежит неудобно, будто вывихнута, уже мысли страшные — может, это уже безразличие смерти? И готов был отдать ему свою кровь, свои силы, но горько осекаешься, понимая, что уже передал маленькому всю гниль свою.

На третий год семейной жизни взял путёвку на турбазу: проветриться. На берегу горного озера случился эпизодик. Одна женщина скучала на пирсе и наблюдала, как я девиц на лодке катал. Мужики вокруг неё вились, и она вела себя раскованно, но флиртowała, как мне казалось, через силу. Вода плескалась, солнце блестело... Вот всегда так, хочется сказать главное, но топчешься вокруг, в надежде, что оно само придёт на язык. В Библии пропущена, как мне думается, одна строчка: в начале была женщина, всё остальное случилось потом!.. У тебя дальше как было?» — неожиданно спросил бродяга.

«Ты же говорил о себе!» — Виктор глянул на луну в ночном небе, определяя по ее положению, сколько времени ему ещё стоять.

«Потому что я сделал то, — бродяга громыхнул чем-то в своей тёмной землянке, — что не получилось у тебя».

Виктор вспомнил, как уходил из дома после серии нудных скандалов, взяв лишь зубную щётку. Переночевал у холостого друга на полу. Утром надел несвежие носки, и тут же почувствовал, что прихватило горло на сквозняке. Оказалось, что теперь он полностью принадлежал себе: вместе с больным горлом и носками, за которыми раньше следила его жена. И что ещё характерно: с женой жил и мелко изменял ей, когда подворачивалось, но сколько времени был в бегах, ни разу не возникло желание найти женщину ради флирта. Эта нерастраченность, кстати, и была причиной скорого примирения.

«Ну так вот, на турбазе, — продолжил бродяга с чувством явного превосходства. — Вначале женщина мне не понравилась! Такая умная тихушница из бывших отличниц. Замуж, скорей всего, она вышла — будто корень квадратный вычислила! И не тайна в ней, а интригал какой-то неразрешимый! Не помню даже, как мы в одной палатке оказались. Страсти она не вызывала, но быстро утомила ребусом своей жизни: кто-то любит её, кого не любит она... и что-то ещё неизвестное! Лишь однажды я почувствовал к ней симпатию: наша группа спасалась в дождь под кедром; пили водку из поварёшки по кругу, прижимаясь друг к другу. Промозгло было, ну и затянули песняка: о доме, о тех, кто ждёт. Она тоже подхватила, голос оказался сильный и настоящий.

«Любовь — чувство бродяжье, — сказал незримый собеседник Виктора. — Поэтому она забирается высоко в горы или далеко за моря, где у пришельца обостряются слух и зрение. Женщины чувствуют это, душа их — клетка для ловли певчих птиц.

Когда я приехал домой — метаться начал. Ты знаешь, как это случается, будто после озона гор привыкаешь к городскому смогу. Дальше что: развод? — давай попробуем!

Дали нам два месяца подумать. И я бы не разошёлся, как и ты, но талант самоизгнания шепнул: пора! Я даже начал вести дневниковые записи, как историю болезни. По сути, чувство таланта — и есть болезнь. Или кидался к мольберту: заставлял жену позировать обнажённой. Что характерно: я и раньше уговаривал, но согласилась она только теперь. Но женщину не поймёшь даже перед расставанием. Она позировала, гордая, как мрамор Акрополя, и если встал бы вопрос о стыде, то терял его я! Женский инстинкт — при пожаре выносить самое дорогое — подсказал: пренебречь телом, которое достанется когда-нибудь другому. Она выбрала душу: не противиться мне в унижении своём.

Чем ближе подходил срок суда, тем более оголтелыми мы становились, будто хотели за два месяца проскочить всю жизнь. И уж если я когда-нибудь любил её, то наверняка в эти последние дни.

Потом уже, рассматривая этюды, я уловил то чувство, которое мучило меня за мольбертом: она так всегда складывала руки, будто держала невидимого младенца. Дерзни мысленно раздеть Деву Марию, и поймёшь мой стыд».

Виктор вышел из будки на смотровую терраску, прошёлся взад-вперёд. Под сапогами повизгивала налетевшая с поездов угольная пыль. Чтобы не устать сильно в ночные часы, важно уловить движение ночи, зарождающийся раскол в её глубине. Ночь — это скелет суток, как утро — мозг, день — кровь, а вечер — болезни суток.

Ночью глаз бережнее относится к тому, что видит. Шипяще двигалась в лунном свете река, как будто плоская пятнистая змея без головы и хвоста. Внизу, между опор моста, петляла дорога с тальными колеями, словно линяющие заячьи уши.

Охранник вернулся в будку. Известный порядок: чайник с водой, флажки в чехле — красный и жёлтый, жестяная коробка с петардами. Ещё есть, не по уставу, осколок зеркала, и Виктор, смотрясь в него, ловил себя на мысли, что всё ещё удивляется форменной шапке, чёрной шинели и стволу карабина, торчавшему из-за плеча. Когда он впервые принёс домой форму стрелка, жена осмотрела её с таким видом, будто провожала мужа на сомнительное дело: надо же, пошёл в «вохровцы»!

По уговору с ней Виктор получил год времени, чтобы написать книгу. Но хорошо думалось только первые месяцы на мосту. И, как намытый

золотой песок, выкладывались дома на письменный стол мятые бумажки записей с торопливым неровным почерком.

Со временем записей становилось всё меньше. Смены четырёхчасовых отрезков отрешённости на посту и суеты в караулке разрушали строй мысли. В любом обществе ревниво относятся к задумчивым: если ты мозгуешь не на благо коллектива, то постараются распотрошить «левого» мыслителя.

Вскоре он понял, что караульная будка — не выход.

Виктор вспомнил о своём собеседнике из землянки: «Чем дальше занялся?» — «Тем же, что и ты, грубой работой».

Действительно, помирившись с женой, Виктор взялся за ремонт квартиры, чего она раньше допроситься не могла.

«От квартиры я отказался, вещи все отдал, только ключи ещё носил с собой, — вспоминал бродяга. — Знаешь, такое бывает, как будто забыл что-то нужное. Может, пустяк — пластинку с любимой песней. (Той, что пели в горах под дождём.) Казалось, зачем пластинка? Если даже слушать её не на чем!.. Но решил забрать! Помню, открыл дверь — пол окрашен, запах в квартире угарный. Чёрт меня толкнул, пошёл я по краешку, оставляя следы на подсохшей краске. Открыл дверцу шкафа, там почему-то простыни лежали; одна упала, испачкалась. А когда однажды тоска за горло взяла и позвонил жене — она мне эту простынь припомнила!..»

Рассказчик помолчал немного. А Виктор подумал, что напрасно он называет собеседника бродягой.

«После развода хотел уехать на крупную стройку. Но оказался в бригаде пенсионеров и алкашей на реконструкции одного дома-музея. Прельстило меня, что жили в деревне, койка в клубе и вольные хлеба, с утра — гонец в город за пивом.

Холопская ностальгия — эти наши усадьбы-музеи! Где-нибудь в Германии дом Баха ничем не отличается от стоящих рядом домиков, и жители под стать своему земляку: заходи на кружку пива. У нас же околевшие рёбра крыши скотного двора и рядом же окрашенные брёвна барского дома.

А привозили дворян-родственников из-за границы, так потеха: не знали, где стол накрыть. Решили в саду принять, потому как в дубовой столовой, при настоящих хозяевах, должно быть, ноги дрожали.

Работал потом художником. Своя комната: краски, кисти и тишина. Выдаёшь плакатным пером четырёхзначные цифры достижений народного хозяйства, а сам мысленно их на исторические даты переводишь. Однажды написал 1380 тонн, а в графе «продукция» забылся: «Куликовская битва». Начальство во мне видело только один, нужный им, талант. Двигаться везде предлагали. Но главный мой талант поперёк вставал».

«Это писательский?» — спросил Виктор.

«Нет, для того закупориться надо. А я только тем и занимался, что изгонял себя. Был я даже бухгалтером. Загадочная профессия. Вроде евнуха при социалистической казне! На бумаге, как у дверей гарема, какие богатства блюдёт! А самому там побывать, только если воровски, не иначе.

Как попал в бухгалтеры? Пришла разнорядка на завод: послать на курсы повышения квалификации в Ленинград. А в бухгалтерии — половина в декретном, остальные зашиваются; я уговорил начальника, взял этюдник и махнул на берега Невы. В группе оказался единственный мужик, выбрали старостой. Хорошая гостиница, ресторан, петербургские отражения в зелёной меланхоличной воде каналов. Ходили мы на экскурсии, в театры, я везде своим мадамам ручку подавал. Заботился. Потом начальник телеграмму прислал, мол, срочно возвращаться. Это чтобы экзамен не сдавать. Но я уже решил бросить свой завод.

Помотался, пока деньги были, потом решил на папоротнике заработать, но в бригаду не взяли, а в одиночку пролетел.

Голодный, в рваной рубаше, набрёл на монастырь. Как говорил Христос: «Нищие у вас всегда будут», а что Его боле не увидим, так сразу на то внимания не обратили. Меня приняли трудником. Место Божье — предгорья, красота! От бывшей обители одни развалины. Единственное уцелевшее здание — колхозная пилорама. Восстанавливать начали четверо монахов из центральной России. Первым делом срубили крест с треугольной крышей — голубец. Смолили крышу, вели кирпичную кладку. Мой реставрационный навык пригодился. Ещё нам помогали сельский учитель со старухами.

Обитали мы в одной избе-келье, житие киновитное. Монашескую тяжесть всяк взваливал на себя сам. Старший монах, Евагрий, седой, с крупными бороздами морщин на лбу, взял надо мной опеку. Второй — мужичонка мелкий, борода жидкая, плечи всегда подняты, а руки, если не в работе, то болтаются, как на смазанных шарнирах. Он, если осерчает днём на колхозных безруков, то за полночь поклоны будет бить перед иконой. Третий монах был молодой, Иоанн, грудь широкая, борода чёрная, женщины засматривались, а он себе на уме, как мне казалось. Четвёртый — тихий, горестный мужик, всё хотел обет молчания сотворить. Объяснял мне, что молчанием душу углубляешь, как русло заиленной реки. Но оторваться нам особо не давали: то колхозные мыки, то из города понаедут охочие до святых мест.

Варила нам старуха из деревни. Помню, отпахал я первый день, сел за стол, а в щах только капуста отварная. Говорю: мол, работников так не кормят! Пост был. Оно бы ладно, но без водки совсем стало в тягость...»

Виктору не понравился тон бродяги. Сам он думал, что монастыри и церкви — это как бы родимые пятна на русской земле. Бывало, всматриваясь в сиротливые купола, в кирпичные узоры и арки, он рисовал образ своего дома, где бы хотелось ему жить.

«Короче, стал я тяготиться святым житием, — продолжил бродяга. — Отец Евагрий чувствовал моё настроение, соглашался, мол, странники тоже Богу нужны. А я это понял по-своему. Поджѣг колхозную пилораму. Председатель вызвал милицию. Дознание. А Евагрий грех мой по своей душе размазывает. Тогда я сам признался. Дело замаяли. Церковники заплатили за головешки и забрали на свой двор: деревенские не хотели возиться.

Меня отпустили с миром. После монастыря пустил я душеньку во все тяжкие. Пил, аж со свистом. Знаешь, в том есть особое удовольствие: набраться святости, а потом мордой в грязь. Уничужение какое-то библейское!

Потом работал в театре, рабочим сцены. Там я попал на один нескончаемый спектакль. Мотив его: «На свете правды нет, но нет её и выше!» Моя душа, мой талант не хотели мириться с той ролью, в которую меня впихнула жизнь.

Однажды поехал театр на гастроли. Услышал я название города, и вспомнил полузабытый эпизод на берегу горного озера. Я ведь в регистратуре турбазы паспорт Елены видел: фамилия обычная, замужем восемь лет, детей нет. И адрес простой.

Наверно, многие мужчины, неудовлетворённые своей жизнью, оглядываются на свои «отростки судьбы». И большинство из них начинались с женщины. Какая встреча в прошлом могла бы повернуть к лучшему его жизнь?

Хожу вечером по её городу и думаю. Вспоминаю, как однажды меж туристов зашёл разговор о детях. Лену спросили, она смутилась и ничего не ответила. А когда я о своей дочери говорил, то в лицо моё всматривалась странно, будто что-то знакомое выискивала.

И уже по-другому виделся наш роман. Бывают женщины — оторвутся, чтобы подурить там, где их никто не знает. Лена же играла эту роль не «с жиру», а через силу: без страсти и объяснений.

Словом, нашёл адрес, сел на лавочку возле дома и детей всех взглядом ощупываю. Волнение напало. Чудится, мальчик на меня похож: такой же смуглый, сероглазый. Поджало сердчишко.

До вечера просидел. И дождался-таки её! Шла она, энергичная, молодая, уверенная в себе. Знаешь, когда женщина по сторонам не смотрит, настырных не чувствует.

Встаю, и навстречу иду. Она с ходу хотела обойти меня, как столб, в своей внутривидной манере, но я нахально преградил дорогу. Глаза подняла — строгие, с тонкой сиреневой кожей под нижними веками. Испугалась! Мой костюмчик оглядела, поняла сразу. Но молчит.

Я говорю: «Случайно приехал в ваш город, домой не прошусь...» Она перебила: «Подожди меня в сквере, я скоро».

Вышла минут через десять и уже взяла себя в руки: «Где ты остановился?» — «В гостинице». — «У тебя временные трудности? — голос пытается естественным сделать. — Может, деньги нужны, на первое время?..»

Должно быть, подумала, что я просто сшибаю. Заехал по старой памяти: возьму и свалю. Глазами такси уже ловит, деньги приготовила, всё пытается в тон семилетней давности попасть.

Но тут я влепил дуплетом, что-то обидно стало за свою непутёвую жизнь: «Я на ребёнка хотел посмотреть».

Как она побледнела! Губы сжала. Мне её жалко стало, но выворачиваю себя подлого: «Поедем со мной!»

В номере гостиницы я дал мужикам денег и выпроводил гулять. Зашли.

«Не хочешь показать? — спрашиваю. Она молчит. — Смотришь на мои временные трудности? А может, это ты мне судьбу сглазила? Взяла часть меня и перенесла в своё гнездышко» — «Чего ты хочешь? Зачем тебе мой ребёнок?» — У меня хватило выдержки не ляпнуть, что и мой тоже! «Дай, — говорю, — фотографию мужа посмотреть». — «Нет с собой». — «Как нет? Любимых мужей в кошельке носят! Кто он?» — «Хороший человек». — «Чем занимается?» — «Он музыкант» — «Прекрасно. И у ребенка есть слух?» — «Есть». — Ей ненавистен был мой допрос. Она встала, подошла к окну и поглядела на улицу через шторы.

«Пора домой? Семья ждёт? Ужин ещё не готов?» Отпустить бы её с богом, но сам не свой говорю: «А ещё одного родить не хочешь?..»

Она отскочила к двери. Я ей: мол, до завтра! Остановилась. Подхожу, расстегиваю кофту. Она в ознобе шепчет: «Зачем тебе это, зачем? — Потом отчётливо: — Дверь закрой». Я говорю: «Сама».

Повернулась, сильная, гордая. У неё есть большее, что искупит унижение, а у меня — только гадость и злость. Кинул в голую спину кофту: «Уходи!» Лена спокойно привела себя в порядок. Говорит: «Давай, я тебе билет возьму на завтра» — «Бери, — отвечаю. — Куда хочешь, туда и поеду. Мне всё равно». Она смотрит на меня с таким ласковым сожалением. Чувствуется, хочет по-хорошему сладить, но не даёт себе волю раскиснуть. Железная женщина!

Наутро принесла билет, увезла меня, пьяного со вчерашнего, на вокзал, и усадила в поезд до моего родного городка. Помнила тоже. Ещё проводнику денег дала, чтобы кормил... Вот так и спалил душу!»

«Так», — рассеянно повторил Виктор, давно уже перебирая в памяти свою историю с Леной, на каком-то семинаре в Минске он отгадал, чего хочет от него женщина, но не решился и сплавил её товарищу по группе.

— Эй, уснул, что ли?!

Виктор очнулся от крика: по железной лестнице поднимался сменщик.

3

Закурили на терраске.

— Ну, как? — бодро спрашивал напарник. Хотя и так видно: будка, рельсы и мост целы. Просто его время уже пошло, и ему хотелось подольше

говорить с Виктором, смягчая таким образом переход к самым длинным и нудным ночным часам.

Возле караулки стоял уже жёлтый фургон с синей полосой — для добычи.

Виктор сдал карабин в оружейную комнату и пошёл на кухню ставить чайник. Была надежда, что ему после смены не придётся идти на облаву. Но начальник команды Батов, сутулый мужик с четырьмя пальцами на левой руке, сказал терпеливо:

— Поешь горяченького и пойдём. Ты нашёл землянку — тебе и показывать!

Батов прошёлся по коридору, азартно скрипя португеей. В былые времена — рассказывали старожилы — он выгонял нарушителей из охранной зоны моста тем, что ставил ручной пулемёт на нос катера и мчал на штормовой волне вдоль опор, разбрасывая мелкие лодки рыбаков.

Под стать командиру вооружился и старшина Носов, тоже из старых стрелков, известный своим изобретением: на посту одевал брезентовый дождевик, цеплялся его петелькой за толстый гвоздь в углу будки и отлично спал. Держали его, несмотря на частые залёты, потому что был он любимцем у генерала, начальника охраны дороги. Железнодорожный генерал приезжал сюда, на вольный речной простор, чтобы душу отвести: выпивал на бережку, потом шёл на своё место — крутой скалистый обрыв. За ним следовал только старшина с баяном. Играл он мастерски! Генерал втягивал грозными ноздрями обскую ширь, ронял тяжёлую руку с золотовязьевой нашивкой на рукаве и затягивал одну и ту же песню: «Есть на Во-олге утёс-с...»

Виктор отваривал пельмени и слышал из комнаты отдыха, как стрелки читали какую-то прокламацию в стихах. Но смог разобрать только отдельные фразы: «Чтоб министрам дал по шапке!.. Чтоб народ скорей вздохнул!..» Одобрительный смех. «Перестань свою царицу развозить по границам!» Понятно, к Горбачёву челобитная.

В углу гроыхнула пустая банка из-под краски. Это старшина закрыл дырку из подполья. Виктор выловил пельмени в тарелку, банка сдвинулась еще, мелькнул зелёный кошачий глаз. Виктор отодвинул банку, и на свет вылез рыжий котяра, обиженно жмурясь помятой мордой.

Но вот Батов скомандовал: «Пора!», и они пошли. Ночной холод, охотничий азарт, тяжесть оружия дулом в темноту, всё это выстроило их в колонну, с почти строевым шагом.

Впереди шёл Виктор. Следом — Батов и старшина. Замыкали два мента, делая вид, что они идут только зафиксировать результат.

Тихо приблизились к полынному бугорку с торчащим обломком трубы. Фонарём осветили низкую дверь без ручки.

Батов пнул её и, отскочив, крикнул:

— Выходи, зараза!!

Дверь спружинила — открывалась наружу. Из-за косяков посыпалась земля. Но внутри молчание. Покричав ещё: «Выходи, окружены!» — порядки наступающих смешались. Менты отошли, не мешая, мол, ваша территория, вы и воюйте.

Глядя на чужую дверь, Виктор вспомнил, как однажды сломали замок его квартиры. Нагло, средь бела дня, выломали ломиком. Вечером, увидев изнасилованную дверь, за которой случайно не оказалась дочь, он почувствовал тошноту бессильной ярости. И понял, что раны болят даже на двери.

Батов обнял старшину за плечи:

— Надо брать штурмом!

— Да что у меня, лоб шире? — вскипает старшина лёгким перегаром.

Потом он вскарабкался к трубе, провёл ладонью на ней: «Тянет!» Достал из кармана пакетик с порохом.

Батов одобритительно кивнул: «Давай!»

После минутного ожидания в землянке грохнул взрыв. Дверь сама приоткрылась, и в земляную нору ввалились штурмующие, вспарывая темень лучами фонарей. Никого не было. Пахло глиной, порохом и рыбой. На полу валялась сорванная печная дверца.

Виктор выбрался наружу, будто очнувшись, с удивлением спрашивая себя: что его заставило ворваться в чужое жилище? Хотелось увидеть своего двойника или изгнать из себя глупый бродяжий дух? Но на душе стало спокойней. Он осветил на ладони прилипшую кашу. Видимо, попал в опрокинутый ужин хозяев. Виктор пошёл к протоке, чтобы смыть неприятную слизь, и услышал всплеск. На том берегу, оставив на лимонной глади чёрный зигзаг, два человека выбрались из воды и выжимали одежду.

— Вот они, уходят!

Подоспевший Батов ничего лучше не придумал, как громко свистнуть им вслед:

— А, чёрт с ними, не стрелять же!

— Пошли, — заторопили менты, отряхивая шинели. — Землянку завалить трактором — и всё!

В последний раз Виктор глянул на пустой берег протоки. Подумал, чувствуя озноб, будто сам окунулся недавно в ледяную воду: где-то сегодня приклонят они свои бедовые головушки?..

РУСАЛКА

О нём говорили: лучший охотник и бродяжья душа!

Казалось, куда бы ни шла — везде его встречала. Он появлялся внезапно, и под его пристальным взглядом Лиля невольно меняла походку. Если она сажала в палисаднике цветок, принесённый ею из тайги, то он первым замечал это: предлагал как бы невзначай помощь, угадывал место в округе, где рос тот кандык или бадан, будто назначал ей в будущем свидание.

Посёлок окружали огромные пихты. Они стояли стеной, раскинув ветви, словно взявшись за руки. Как в детской игре «разорви цепи». По её правилам, один человек разгоняется перед строем и пытается прорвать сомкнутые руки, чтобы увести с собой избранника. Не прорвал — остаёшься в чужом строю.

Летом в посёлке был праздник. Виктор подошёл к ней, словно прорвал ослабевшие руки:

— Почему одна?

— Привыкла, — ответила Лиля запросто.

— Если так, значит, муж — наш брат рыбак.

— Не угадал.

— А кто?

— Тот, кто вас ловит!

Неужто не знал? Кто-то из компании подсказал ему, что муж Лили — новый инспектор рыбоохраны. Виктор повёл крепкими плечами:

— Меня ещё никто не поймал!

— Хочешь, чтобы я попробовала? — спросила с вызовом, глядя в его наглые глаза, потому что надоело каждый раз издали посылать ему отказ!

О новом инспекторе он, конечно же, слышал. Про Ивана Ивановича Крафта говорили в округе: неуживчивый. Дань с рыбаков не брал, а когда ему намекнули, что его же начальству стерлядь к столу поставляют, он ответил: «Я за тем столом не сижу!»

На праздник съехались рыбаки с дальних становищ. И все со своей добычей. В посёлке стало тесно. Поэтому компания, в которой оказались Лиля с Виктором, решила уехать подальше на озеро, чтобы там жарить шашлыки из стерлядки.

Было сыро — недавно прошли дожди. Сразу несколько человек торопливо пытались разжечь костёр: дым ел глаза, но огонь не разгорался. Тогда за дело принялся Витя.

Лиля склонилась над его плечом, советуя:

— Надо дуть!

Он досадно откинул голову, кольнув её щёку жёсткими чёрными усами:

— Девушка, не переживайте! Вы путёвочку приобрели — вот и отдыхайте теперь!.. Всё, что нужно — получите!

Лёгкий голубой дымок пробивался к вечернему небу сквозь мокрые ветви сосен.

— Ой, как приятно! — воскликнула Лиля, вспоминая недавнюю скучную поездку в санаторий. Интерес к Витьке она не скрывала.

У него были сильные загорелые руки. Казалось, дай ему кусок гранита, он и камень будет мять так же нежно, как бересту для костра.

— Салман фиш! — ласково шурился Витя, нанизывая рыбу на шампуры. — Муж-то кормит отобранной?

— Я сама отберу, у кого хочешь!

Рыбак принял это за намёк в свою сторону:

— А я и так не занятый.

— Все невесты остались в Сочи?

Она знала ещё по Северам, что холостые рыбаки, сдав богатый улов, рвутся ловить удачу на тёплом море.

— Да остались, — подтвердил, — с соболями и икрой!

— Что же ты вернулся в штопаных штанах? — она давно заметила кривый рубчик мужской штопки на колене, и это было ей приятно.

— Ещё заработаю! — ничуть не смутился рыбак. — Было б для кого...

Смеясь и рассказывая об этом вслух, она представляла себе Витьку на южном курорте: в одной руке сетка с полудюжиной коньяка, в другой — унты поверх чемодана.

На углях жарилась рыба, раскрывшись лодочками; на дне их закипал золотистый жирок, чуть дымясь; изнутри брюшки подёргивались коричневым глянцем, а плавники слегка обгорели, сжимаясь сухими светлыми пучками.

— Салман фиш! — не выпускал он Лилю из виду.

Витька умел выделить женщину, оттеснить от неё других мужчин и внушить, что она — самая желанная его добыча.

Как-то само собой вышло, что они ушли подальше от костра, в тишину тайги.

Лесное озеро таинственно шумело, качая траву у песчаного берега. Ветер расплетал коричневые косы камыша и затягивал серебряный плёс тёмной рябью.

— Твоя стоянка где-то там? — указала Лиля рукой в пустынную даль озера.

— Да, можно сказать, что в той стороне, — ответил Виктор с неохотой. — Место новое, ещё необжитое...

— Можно мне его посмотреть? — спросила Лиля, сделав несколько шагов ближе к воде, — когда-нибудь...

— Давай без предисловий, — понизил голос охотник, пытаясь удержать её за плечи.

Лиля догадывалась, что он не из тех, кто стыдится своего облика и жилья. И про то, что он не чурается женщин на любительской рыбалке, она тоже слышала. Лиля стряхнула с плеч его жёсткие ладони:

— А тебе не скучно одному?

Витька изобразил ленивое удивление:

— Бывало вдвоём гораздо тоскливее!.. А ещё если командир попадётся! Я, вообще, не терплю над собой власти. У меня даже часов нет, чтобы мне встреч не назначали!

Лиля засмеялась:

— Кто ж тебя вызывает в такой глуши?

Рыбак ухмыльнулся, как будто вспомнил один из своих подвигов. Но Лиля его перебила:

— Может, русалка?

— Может, — согласился Витька, как-то запутываясь в своих порывах обнять Лилю. — Звала меня однажды!..

Лицо рыбака стало серьёзным и детским одновременно. Он даже присел на белесое вымытое бревно, увязнувшее в песке, и с какой-то досадой смотрел на озеро.

Облака медленно тянулись в вышине, рвались, осветляясь краями. В зеленовато-сизую полынью открывшегося неба всплыла ясная луна.

— Звала меня одна! Да я не поддался...

Свет луны озарил склонённую над водой берёзу с подмытыми корнями и чахлой листвой. Ночной прилив утягивал её гибкие косы глубже в чёрную воду. Виктор ждал какого-то всплеска или шевеления листьев камыша.

А Лиле захотелось, чтобы его голос опять ожил, стал весёлым или хотя бы злым:

— Вот возьму и приеду к тебе с инспекцией...

— Не боюсь!

Ярко вспыхнул костёр, пытаюсь вернуть их к себе.

— Или приплыву русалкою! Может, попадусь в твои сети.

— А твой муж обвинит меня в браконьерстве! — ответил рыбак, по-прежнему сидя к ней спиной. — По-другому меня не поймать.

Ей хотелось запустить ладонь в его чёрные жёсткие волосы: да кому ты нужен — тебя ловить! Лиля вспомнила мужа, вот ведь разные мужики, но одинаково упёртые на своём: один — всех поймать, другой — никто не словит!

— На природе дурь природная лезет, — спокойно пояснил Витя, угадав её мысли.

— Видно, у тебя такие сети, — сказала с досадой, — что одни дуры попадаются!

Выручила их какая-то большая ночная птица. Это неясить вспорхнула снизу из-за спины, крича так, будто предупреждала об опасности. Лиля невольно обернулась. Ей казалось, что ночная птица видит сейчас каждое её движение. Кроме всхлипов души. Лиля не хотела ничего менять в жизни. И тем более терять! Но понимала так же, что сохранить можно только

своё... А неясить то надрывалась в дальнем сосняке, то хлопала крыльями совсем рядом. Не добрая и не злая. Просто вещая...

В тот вечер рыбак Витька ничем её не удивил, никого не заслонил и душевненьку ей не раззадорил. Ещё ясней и холоднее стала её жизнь, как эта луна над пустынным озером.

2

Осенью они опять случайно встретились, и опять рыбак показался Лиле совсем не тем, о ком ей мечталось. Хотя даже это признание опасно для замужней женщины.

— Как живёшь? — хотела быстрее пройти мимо, но замедлила шаг, чтобы услышать Витькин голос.

— Тебе соболей уже на полшубы добыл!

Как всё-таки умел он донести — пусть даже пахнувшие рыбьей чешуей, — наивные, но крепкие думы о ней.

— Вторую половину из сети пошьём, — весело предложила она.

— Зачем портить?

Верно, зачем жизнь портить? Рыбачит себе где-то на дальнем берегу и не ждёт ничего от замужней женщины. Просто держит в памяти, как забытую снасть в тихой протоке.

Раньше Лиля приносила из тайги дикие цветочки для своего сада и радовалась этой частичке леса. Теперь же носила в душе стихи и всю тайгу в придачу!

Но стихи её оказались незаконным промыслом, и однажды муж обнаружил их:

Над озером гаснет свет,

Луна провалилась сквозь землю.

И рядом тебя со мной нет,

Да и не будет, наверно...

За окном падал первый снег, в коридоре висело осеннее пальто с вывернутым карманом.

— Я зашью его... белыми нитками! — получилось у неё распевно и гордо, и как будто даже благодарно за нечаянно пришедшую строчку.

Лиля работала фельдшером в поселковой больнице.

В один из зимних дней пришёл на приём обычный рыбак, пахнувший как все рыбаки, и рассказал Лиле, что видел её мужа на озере. На том самом месте, где они с Виктором караулили ночные всплески. «На снегоходе он буксовал, насилиу вылез! И зачем сунулся? Там сроду зимой ничего не водилось». На улице был сильный мороз, толстый иней висел лохмотьями на деревьях. Лиля представила себе белую равнину озера и ревуший от бессилия снегоход.

Вечером ввалился муж, обледеневший до бровей. Лиля усадила его на стул в кухне и достала из шкафа спирт.

— Зачем ты полез туда?

— Под снегом вода оказалась! — Морщась от боли, Крафт стягивал с ног мокрые унты. — Лыжину задрало, снегоход встал на дыбы и месит! Ни туда ни сюда!..

Лиля смотрела на мужа глазами браконьера Витьки. Она не поверила риску мужа. Охотник может рисковать — это его промысел. Его согреет добыча. А инспектора — кто?

Она налила спирта:

— Я слышала, что тебя рыбаки вытащили.

— На берегу уже руку протянули, — устало махнул он. — А до того прятались и ждали: сниму я голыми руками лыжину в ледяной воде или брошу снегоход?.. Так вот снял! поставил ровно на лёд по колено в воде, а потом два сантиметра вперёд, один назад! Два вперёд, один назад! Четыре часа пробивался...

— Говорят, там место русалочье, — сказала Лиля, но, встретив злые глаза мужа, добавила с сожалением. — Но теперь ты их всех распугал!

Последние годы они кочевали с места на место, поднимаясь с богатейших низовий реки к обжитым верховьям, где ещё сохранились рыбзаводы. И везде Иван Крафт плыл одиноко на своём катере мимо разбойничьих гнёзд местных браконьеров, «брокеров», как они сами себя называли.

3

В феврале, когда начались первые оттепели, Витя пришёл к ней в больницу. Померить давление.

— Я по тебе соскучился, — сказал он, неторопливо обнажая жилистую руку.

— Ты надолго?

— От тебя зависит.

От него пахло рыбой и дымом. И штаны те же! Лиля встала и открыла форточку. За окном вразнобой падала капель в ледяные воронки, голубыми брызгами испещряя снег.

— На что жалуемся?

Витька сжал в кулак мозолистую ладонь, вены вспухли, как промоины на зимней реке:

— Я перебираюсь на новое место! Поехали со мной.

— У меня семья.

— У нас будет ещё одна дочка!

— Замуж за тебя не собираюсь, — спокойно ответила Лиля, — а вот на рыбалку бы поехала.

Сказала она мечтательно, как человек очень занятой. Витьке это не понравилось:

— А мужа тоже возьмём?

На его смуглых щеках порозовели, будто с досады, шершавые оспинки. Лиля засмеялась, но глаза были не веселы:

— Не люблю я его... А тебя ещё не полюбила.

И опять в её голосе было неприятное женское своеволие, будто она решила всё одна: отвела ему маленькое место в своей жизни, чтобы там дожидался, когда созреет её душа.

Лиля отрешённо склонила голову, как это делают врачи, слушая пульс:

— Всё у тебя нормально!

Пластмассовый крючок повис на её ухе.

Виктор глядел в окно. От ветра тоскливо звенели стекла, и с тонким хрустом падали с карниза сосульки.

— Я ведь играть-то не умею! — медленно сказал он, не поняв и не оценив её искренности. — Я сам весной на охоте игрища самцов прерываю...

4

На реке шёл ледоход, потому рыбу ещё никто не ловил. И вдруг Витька сообщил на базу по рации о большом улове, а также просил прислать машину для вывоза рыбы.

Вечером приехал грузовик, а следом инспекторский «уазик», оба забрызганные рыжей грязью.

Выйдя из машины, Иван Крафт приложил ладонь к бровям, глядя на чистую воду, сверкающую в закатных лучах. Оказалось, что Витька перегордил маленький залив брёвнами в цепь, связав их тросами. На освободившемся от льдин мелководье вода быстрее прогревалась, и в заливчик хлынула рыба. Витька только успевал вентерь опоражнивать.

Рыбак закурил, вставая по ветру:

— Бодаться приехал?

— Запрещённым методом ловишь! — Инспектор стряхнул щепку с носка сапога.

— Нет, ловлю как положено.

На смуглом лице Виктора матово белели оспинки, будто содранные чешуйки у рыбы.

Косматое, в рыжих облаках, солнце садилось за реку. От розовых струй на воде, от сухой кромки песка, от светлой хвои сосен веяло таким покоем, что не хотелось ни говорить, ни спорить..

— Так нельзя! — упрямо сказал инспектор.

— Почему?

— Нельзя, да и всё! — Крафт вытер ладонью испарину под форменной фуражкой.

Ледяное крошево медленно проплывало в жёлтой воде, бурля и дыша холодом. Цепь из брёвен прогибалась под ударами больших льдин. А чистый залив дремал под солнцем, как человек, уложивший голову на сцепленные руки.

Они зашли в дом.

Инспектор чего-то ждал. Сел за стол, снял фуражку. Тонкие морщины на лбу волнами подпирали мыс седых жёстких волос. Взгляд у него был скользкий, но острый, видно, от привычки выискивать поплавки браконьерских сетей:

— Догадываешься, зачем я приехал?..

— Зачем? — Витька вспомнил слова Лили о том, что она уже не любит мужа. — Теперь уж ничего не изменишь!

— Почему? — Морщины Крафта поползли вверх.

— Не я же начал, — с неохотой ответил рыбак. — Так же тяну... Как сеть с илом, ничего ещё не понятно!

— Выкинь разом и всё! — сказал инспектор.

Виктор усмехнулся:

— Себе советуй. А вдруг попадётся...

— Кто попадётся?

— Может, русалка! — хитро подмигнул рыбак.

— Не знаю, чего ты поймашь на свою голову. Но, — зло пообещал инспектор, — будет тебе сеть с железной ячейкой!

— А не сети ты приехал сулить, — добродушно заметил Витя. — У тебя другое на уме.

Инспектор встал, поглядел в окно, шурясь от солнца:

— Идём, ещё посмотрим.

Но, сделав шаг, остановился, заметив расписную деревянную солонку с крышкой, одиноко стоящую между закопчённым чайником и кастрюлей, у которой вместо ручек была прикручена медная проволока.

— Откуда у тебя эта солонка?

— Одна подружка подарила!

Крафт посмотрел на нары, мысленно осаживая себя: каким образом его жена может здесь появиться? Дома мягкий диван, а тут нестроганные доски. Он нагнулся и заметил в заусенцах скамьи следы цветной шерсти. Кто бы это мог зацепиться?

— Слушай, чего тебе не хватает? — Иван Иванович отковырял цветной пучок. — Место тебе дали рыбное!

— Я думал, что это моя заслуга! — Виктор широко открыл дверь и вышел из дома, — А получается, что если б не она...

Крафт выскочил за ним следом:

— Кто она? Про кого ты?

— Да сам знаешь, — нехотя отозвался рыбак.

Он развязал мешок, приготовленный к погрузке, и вытащил из него огромного сазана:

— Видал, какой? Может, отправить вам к столу?

— А ты визитную карточку ещё не завёл? — В голосе инспектора Виктор уловил знакомые интонации его жены. — Написал бы там: поставщик сельдей для б...дей!

Сазан выскользнул из рук обратно в мешок. Витя не спеша посыпал его солью и завязал верёвку.

— А узел ты плохо вяжешь! — следил за его движениями Крафт.

— Где?

— Да вон, на вентере, — инспектор показал на сетчатый кошель, лежащий на берегу.

Рыбак потянул мокрую верёвку, привязанную к обручам:

— Так давай и посмотрим, чей окажется крепче!

Крафт пошёл к своей машине; но остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Не за тем я к тебе приехал! — в песке что-то мелькнуло; он разгрёб носком сапога, и плюнул. — Только ты не понял меня...

Ему и не надо было, чтобы его боялись. Но хотел, чтобы жизнь мимо не шла, как рыба мимо Витькиных соседей. Он что-то упустил в ней последнее время. А тут ещё жена...

Приехав домой, Крафт застал жену, лежащую на диване. В руках у Лили был модный журнал по ландшафтному дизайну. Она разглядывала искусственный водоём, возле которого мелькали жёлтые цветы, похожие на наши вербейники, и сравнивала журнальные растения с их таёжными сородичами.

Иван Иванович ещё раз покосился на невзрачный цветок в журнале, и вдруг обозвал рыбака «идиотом, у которого под нарами на виду шкурки лежат!»

— Пожалел его сегодня!..

— А знаешь, как у нас в пионерлагере слово «идиот» шифровали? — невозмутимо спросила Лиля.

— Как?

— Идеиный друг и отличный товарищ!

Инспектор взял журнал из рук жены:

— Почему? — тряс он кудлатыми страницами. — Почему тебе всё равно, какая штора висит на нашем окне? Почему солонка на кухне забилась! Но при том очень интересует какой-то дрянной цветок на чужом болоте!

Раньше она бы возмутилась: «Не кричи на меня!» Но теперь только молча вызволила журнал, а он успел невольно отметить: какие красивые руки у его жены.

После разговора с инспектором на душе осталась оскомина.

Виктор даже затоптал следы его сапог на песке. Но уютнее на берегу не становилось.

Возле дома валялись потемневшие стружки, прошлогодние листья, рыба чешуя и морёная чайная заварка. Он взял грабли и, сгребая мусор, пришёл к выводу, что жил как-то не так, что в желаниях своих ходил недалеко и жизнь свою мастерил, как этот домик, на скорую руку.

А наутро выпал снег, весенний рыхлый и нелепый. Он соскальзывал с обледеневших ивовых ветвей, ложился у берега, напиваясь тёмной влагой, истончался, крошился и скользил на камнях, уносимый течением мутной реки.

За поляной в распадке бежал родник. Вода в нём была всегда чистая и прозрачная: летом студёная, зимой тёплая.

Пристроив на обледеневшей гальке ведро, Витька разделся по поясу, широко встав на два больших камня, отмывал локти от глины.

В таком виде его и увидела Лиля.

Она приехала на становище через три часа после получения по рации вызова.

— Где больной? — с досадой спросила она.

— Вот мы спалили горючку! — Возмутился шофёр медицинского «уазика», рыжий парень, веснушки на его лице перемешивались с мелкими царапинами от пьяной драки. — А он здоровехонек!

— Не пропадать же было настроению, — ответил Витька без тени смущения.

— Нет, у него жар, — Лиля внимательно оглядела лицо рыбака. — Идёмте в дом!

У берега стояла лодка с задраннным мотором, в корме собралась жёлтая вода с обломками серого плавника. На дне лежала мокрая пустая сеть.

— Набери себе рыбы, — сказал Витька шофёру, кивнув на бочку возле дома.

Над рекой стояло серое марево, шёл снег с дождём. В домике было холодно.

— Сейчас печь растоплю!

Он приставил к полену большой нож и стал бить по нему ладонью.

— Поедем в посёлок, — предложила Лиля.

— Нет. У меня улов протухнет!

— У тебя температура!

— Пройдёт.

В печке затрещали тонкие лучинки.

— Оставайся со мной...

Вошёл шофёр с резиновым ведром, сделанным из автомобильной камеры:

— Стерлядку-то, поди, припрятал? — он растягивал слова, как бы вкладывая в них интонацию на разный случай: и задиристую, и простачковую.

Витя ничего не ответил.

— Снег усиливается, Лилия Михайловна! — кивнул шофёр на окно. — Надо бы ехать.

— Поезжай, — сказал Виктор, — я передам по рации.

Шофёр удивлённо посмотрел на фельдшера, как будто уже понял, что она останется:

— Лилия Михайловна, что я мужу-то вашему скажу?

— Да что видел, то и скажешь, — ответил за неё Витька.

— Так вы едете?

Лилия покачала головой. Шофёр попятился к двери:

— Вы что, Лилия Михайловна? — почти крикнул он с выпученными глазами. — Не зря, значит, в посёлке болтают! Вам здесь свиданье, а мне только лещей отмазаться?

— Ещё откроешь свой рот, — Витькино лицо озарило пламя из печи, — кострюка вгони в глотку!

— Теперь я вижу, что ты больной!..

Но больше злить Витьку он не решился и выскочил из дома.

Слышно было, как машина разворачивалась, буксуя по рыхлому снегу.

Лилия считала себя умной женщиной, и как следствие того — холодной и расчётливой. Первое, чем она успокоила себя, было решение добиться того, чтобы шофёра перевели на другую машину. Но больше она злилась на Витьку:

— Про мою шубу уже весь посёлок слышал! — сказала Лилия так, будто теперь ей долго придётся ходить в китайской куртке. — Давай ты больше не будешь напоминать мне о ней!

Ещё злилась она от того, что не могла долго оторваться от голого торса рыбака, когда он умывался в ручье, окатывая себя до затылка ледяной водой. Может, впервые в жизни она не сумела скрыть своего чувства, и даже открыто наслаждалась им.

За окном смеркалось, к домику ближе подступала тайга. Витька зажёл керосиновую лампу. Затем принёс котелок, в котором тускло блестели чешуйчатые спинки мышинного цвета, перемежаясь с острыми загнутыми носами:

— Салман фиш!

Лилия придвинула лампу ближе, рассматривая живую рыбу. Фитилёк поперхнулся, мазнув копотью стекло.

— Может, помочь? — предложила она, но потом брезгливо отпрянула, — ой нет, я боюсь!

Рыбак привычно вспарывал ножом светлые брюшки, обрызгав кровью ладони, держал одной рукой рыбу под жабры, а большим пальцем другой руки вычищал содержимое живота. Казалось, что рыба умирала, любя его.

— Надо быстрее поесть! — сказал Виктор.

— Ты проголодался?

— Ночью некогда будет!

В душе шевельнулась тревога, но она верила в свои силы, и даже хотела измотать их быстрее, страдая от холода, грязи в доме и шорохов тайги за окном.

— Боже, чайник-то какой! «Антинакипин» по нему плачет!

— Этот чайник год в тайге провисел на костровище. — Поднял Витька голову, будто хотел устранить какой-то непорядок в доме. — От него до сих пор дождями пахнет!

Лиля достала из сумки ароматизированные салфетки и протёрла ими ладони, всем своим видом показывая, что не чувствует себя здесь комфортно. Но не потому, что ей было холодно или неудобно, а из-за привычки к самостоятельности.

— Печка дымит!

— Сейчас глиной подмажу.

— Ты даже не подготовился!..

Когда домик нагрелся, она сняла куртку и вязаную шапочку. Расчесала волосы:

— Пропахну здесь дымом!

— Это смотря кому нюхать, — Виктор потрогал пальцами влажную глину на печке, от которой шёл белесый дымок.

Его гостья опять натянула куртку, потому что рыбак слишком часто поглядывал на ее голую шею. Она озидала домик, сравнивая с тем, что хотела увидеть: низкий потолок, закопчённые бревна, на нарах валяется спальный мешок и что-то похожее на подушку.

— Мне приходилось ночевать на разных лавках, — успокаивала она себя вслух, вспоминая свои поездки к больным, — в диспетчерских будках аэропортов, в билетных кассах речных причалов...

— На Севере-то? Это ты была VIP-пассажиром, — засмеялся Витька, хлопнув себя по коленям. — Мне иногда приходилось в снег закапываться, возле этих вокзалов!

В большой сковороде жарилась рыба, брызгая жиром на чугунную плиту. Виктор принёс дров, припорошенных снегом. Потом ушёл за водой, и Лиля долго вслушивалась в его удаляющиеся шаги, потом где-то звякнуло ведро и, кажется, пискнула птица.

Потом Лиля вздрогнула оттого, что с хрустом ожил чайник на печке. Она поняла, что уже достаточно проверила свои чувства в тайге, чтобы вернуться к прежней жизни.

— Мы будем говорить друг с другом всю ночь! — заранее предупредила Лиля, когда рыбак принёс воду и потирал мокрые ладони.

— О чём? — присел он на корточки и спрятал под ногами топор.

«Действительно всё ясно, подумала она, заигралась барышня!»

Витя наблюдал за ней с улыбкой, гордый своей мужицкой смекалкой. Ему не терпелось сделать что-то ещё. Но не выказать внимание женщине, которая примчалась к нему сломя голову. Он опять вышел из избы, и Лиля слышала, как шуршал песок под днищем вытягиваемой лодки. Она чувствовала в нём настроение, будто он собирался уходить куда-то в ночь. Уж не на охоту ли собрался?

Когда он поставил сковороду на стол, Лиля достала из сумки фотографии:

— Посмотри, какое платье на мне было в Новый год!

Виктор взял их за краешек:

— Это ты, такая?..

— Какая? — засмеялась она, поправляя вырез свитера.

— Породистая!

— Но-но! — она ткнула кулаком ему в грудь. — Как про лошадь говоришь.

— Чего тогда, — легонько свистнул охотник, — рябчика подманивать?

— Тебя обманешь! — нарочно оговорила она.

В глазах Витьки она видела азарт. Он даже не задумывался над тем: почему она осталась? Что она оставила, и чем рискует? Он не спеша грыз стерляжью голову, привычно перекусив длинный гибкий хрящ.

— У тебя, наверно, мышей полон дом? — заметила она упавшую на пол рыбную косточку.

— Мыши страшны, если шкурки погрызут!

Наверно, они забираются к нему в спальный мешок. Нет, это не тот человек, который сможет утешить женщину в минуты тоски или сомнений!

Лиля пыталась проникнуть в тайну его спокойствия и каких-то злорадных сборов. Витька не суетился, не обхаживал её. Он выжидал, как ей казалось, будто самое интересное в этот вечер ещё не произошло.

— Когда ты меня впервые увидел, какой я тебе показалась? — спросила она, хотя уже поняла, что их общие воспоминания могут быть очень различны и даже обидны.

— Породистой!

— Опять?

— Сразу! — выдохнул Витя упрямо. — Все движения, повадки... даже глупости твои!

— Какие глупости? — торопливо спросила она, словно их у нее было множество.

— Когда газон стригла ножницами! Ты сидела на корточках, повернувшись спиной к улице. — Витька обвёл ладонями гитарный силуэт, в котором она должна была угадать свои бедра. — Ты так красиво стригла! Никого не видела и не слышала!..

Он вдруг осёкся и прислушался. На стекле окна отражался огонь лампы. Вскоре и она расслышала звук мотора и, взглянув на Витьку, подумала: дождался!

Когда машина уже юлозила по береговому песку, рыбак вытащил из-под нар какой-то мешок и быстро вышел. Лиля догадалась, что он подошёл к реке и бросил мешок в воду. Раздался голос её мужа: «Свети фарами сюда!» Машина медленно спускалась к воде, потом опять крик: «Задержать его!» И спокойный ответ: «Да я куда и не бегу».

Виктор вернулся в дом и сел на лавку рядом с Лилей.

Они слышали и догадывались, что люди на берегу осматривали Витькины следы до воды. Потом длинной жердью шарили по дну, переговариваясь о том, что мешок мог упасть на мелкое место или верёвка всплыть на поверхность. Даже брызги на борту лодки могли подсказать направление броска...

Лиля чихнула, мельком глянув на рыбака: даже здоровья не пожелал! Так было однажды в детстве. Лиля играла в прятки и сховалась в дедушкином сарае. Снаружи слышались голоса ребят, её искали вслух: под телегой нет, в малине нет, в сарае — заглянула вихрастая голова — тоже нет! Чем дольше не могли её найти (дети уже нарвали огурцов и смачно грызли их), тем больше росло в душе чувство какой-то потерянности. Девочка стала чихать, чтобы себя обнаружить.

Наконец дверь домика распахнула чужая рука. Вошёл инспектор, забрызганный водой. В руках он держал кожаный мешок. За ним два милиционера.

— Это твой мешок? — с ходу спросил он у рыбака.

— Мой.

— Зачем выкинул его?

— Не нужен стал, — хозяйским жестом Витька пригласил гостей за стол, — проходите, согрейтесь!

— Это к делу не относится, — запнулся инспектор. И обращаясь к милиционерам, нетвёрдо сказал. — Свидетели видели, как ты бросал свёрток в воду.

Оба сержанта были приятелями Витьки и не раз приезжали к нему на рыбалку.

Возникло молчание. Витька нарушил его:

— Любимой женщине хотел угодить!

Лиля вздрогнула, вот тебе и признание. Обидно стало не за то, что при чужих мужиках ляпнул, а что это неправда.

Крафт оглядел тарелки с жареной стерлядьё:

— Ладно, обеды — не в счёт!

— Может, ребята поедят? — предложил хозяин милиционерам. — Мы только что отужинали.

Инспектор поморщился, брезгливо одёрнув руку от грязного спального нагара. Да, тут ты прав! — Лиля следила за ним. Крафт был уверен в том, что её блажь сегодня и закончится:

— Всё, хватит! Собирайтесь, поедem в посёлок!

Лиля смотрела на мужа в упор, чтобы он заметил негодование: почему задерживают её?! «Цветочки вместе садили!» — Крафт намеренно объединил их, показывая свою решимость милиционерам: мол, теперь по ягоды пошли!.. А Витя спокойно открыл дверцу печки, набил её дровами. Погрел руки, показывая, что ему не хочется никуда ехать.

Инспектор взял мешок:

— При понятых вскроем!..

До машины Витька шёл в расстегнутой куртке, насвистывая какой-то плёвый мотивчик. Лиля осторожно ступала новыми сапожками по мокрому снегу, стараясь держаться независимо, но чувствовала, что это её сопровождают муж и сержанты, как главную незаконную добычу рыбака.

Снег не унимался.

Машину трясло на кочках. Кожаный мешок грузно лежал меж грязных сапог инспектора. А Витька сидел рядом с Лилей и смотрел в окно. «Что-то он задумал? Не может же так спокойно лезть в силки. Не такой человек... А мой, искоса поглядывала она на мужа, в мокрых штанах, победой упирается! Она осеклась: боже, который из них — мой-то? похоже, и сама не знаю...»

— Ничего не хотите сказать? — не утерпел Крафт.

— Вези быстрее, — зевнул рыбак в затылок инспектору. — Заберёшь своё добро — и до свидания!

— Мне возвращать ничего не надо! — Крафт положил ногу на кожаный мешок. — Торговаться не буду!

Витька ёрзал на сиденье:

— И не буду твоим должником!..

Дворники смахивали мокрый снег со стекла, скрипя и подскальзываясь в верхней точке.

— Послушай, Ваня, — обратилась Лиля к мужу, — чего ты хочешь?

Инспектор повернулся. Оба соперника смерили друг друга упрямым взглядом.

— Полюбовно договориться? — спросил Крафт. Милиционеры сидели безучастно.

— Да. Так будет лучше.

— Кому? — ткнул пальцем в сторону Витьки, — ему?

— Мне, — ответила Лиля и почувствовала, как напряглось рядом плечо рыбака.

— Ради тебя, — свёл Крафт мокрые колени, — я, конечно же, мог бы решить по-человечески...

— Покурить надо, — сразу сообразил сержант, сидевший рядом с Витькой.

— Останови машину, — приказал Крафт водителю. — Мы выйдем по нужде.

Он усмехнулся, не глядя на рыбака. Видимо, решил, что тот опять выбросит мешок, но в посёлке уже не будут смеяться над тем, что инспектор лазил в воду, мстя за жену.

Фары погасили, и три фигуры удалились подальше, спотыкаясь на обледеневшей обочине. Косой снег быстро скрыл их, будто стёр из памяти. Лиля почувствовала такое безразличие ко всему и такую усталость, что ей захотелось просто положить голову на соседнее плечо и заснуть. Будь, что будет! Прижавшись к Витьке, она вспомнила ночное озеро и тёмный омут, куда утягивало её душу. Так бы нырнуть сейчас, и всплыть уже утром, на своей постели...

Когда инспектор вернулся, то увидел, что мешок лежал на прежнем месте, а его жена и рыбак мирно дремали на заднем сиденье, прислонившись головами.

Остаток дороги ехали молча и глубокой ночью добрались до посёлка.

В отделении милиции Крафт бросил на скамейку грязный мешок рядом с домашней подушкой, на которой только что дремал дежурный. Крикнул сонному лейтенанту:

— Нужны понятые!

— Где их взять? — удивился тот, глянув на часы, — три часа ночи.

— Разбудите! Деда Васю с бабкой из соседнего дома.

— Дело важное, — пошутил Витька, он был бодр и весел, — разоблачение браконьера!

— Сейчас всё установим.

Сквозь решётку железной двери показались две взлохмаченные головы, прося воды.

— Вот, — предложил лейтенант, — сейчас их выпущу, и будут нормальные граждане, со всеми правами.

— Не надо мне друзей-рыбаков! — отказался Крафт.

Привели стариков из соседнего дома. Дед хмуро кашлял, тряся задранной ото сна бородой. Бабка опасливо косилась на пьяниц за решёткой и была рада, что не пропустит первую новость дня.

— При понятых, подойдите ближе, — сухим тоном начал инспектор. — Я вскрываю мешок, который только... пиши, — сказал дежурному, — который выкинул этот гражданин!

— Дайте попить, — слышалось из камеры. — Не видать ничего... бабка отойди в сторону!..»

Крафт всперол ножом кожаный мешок, и на стол высыпалась тяжёлая серебристая чешуя. Очень крупная. Как потом говорили в посёлке: русалочья!